

Д.А. Семаков (Архангельск)

Сакральное пространство Средней Пинеги (к проблематике религиозно-мифологической топографии)

Пинежский район Архангельской области – одна из немногих историко-культурных зон Европейского Севера, стабильный интерес к которой со стороны исследователей наблюдается в течение двух последних столетий.

Необычайная «живучесть» на Пинеге традиционной культуры, ее оригинальность (выросшая на уникальном синтезе протосаамских, финно-угорских и славянских культур, постоянно аккумулировавшая традиции и верования соседних иноэтнических сообществ, хранящая огромный пласт архаики) поражает и продолжает быть объектом исследования ведущих научных концепций в наши дни.

В статье делается попытка рассмотреть особенности и проблематику народных верований, связанных с объектами, маркирующими сакральное пространство[1] (деревья, камни, ручьи, антропоморфные идолы, часовни, кресты) сублокальной группы[2].

Под Средней Пинегой, мы условно понимаем ту часть территории бассейна реки, где в Пинегу впадает ее левый приток, река Покшеньга. Крайние точки интересующей нас территории по линии юг-север обозначим деревнями Едома-Шотова. Восток-запад – районный центр с. Карпогоры-деревня Земцово (рис. 1).

Рис. 1. Карта Пинежского района.

Исследование основано на полевых материалах, собранных автором во время работы экспедиций лаборатории фольклора Поморского государственного университета в Пинежском районе летом-осенью 2003 г.

Первые описания пинежских «святынь» и верований, связанных с ними дал П.С. Ефименко: «Кроме сооружения церквей и часовен, у народа есть весьма распространенный обычай – ставить деревянные кресты и столбы, называемые часовеньками. Их ставят по краям улиц, при въездах в деревни, на дорогах, при перекрестках, на почитаемых почему-либо местах, на сенокосах, в лесных рощах и других пустынных местах.... В крестах просто вырезаются изображения распятия, а в столбах вкладываются литые медные воздвигательные кресты, иконы задерживаются пеленами; сверху их иногда привешиваются куски разной материи, узорчатого полотна или холста, на которых вышиваются кресты...»[3].

Оригинальные формы проявления народного религиозного самосознания не оставили равнодушным и известного архангельского художника А.А. Борисова. Он делает описание культа обетных деревьев и крестов у мезенцев и пинежан и ставит вопрос о влиянии на их религиозно-мифологические верования саамов, в частности самоедов (suoma sdtti) – кочевого этноса архангельских тундр, «соседей» мезенцев и пинежан, которые еще в начале XX в. «молились и носили жертвы пням да идолам, а в уста св. Николая тыкали сало и оленья мясо»[4]. Встретились ли П.С. Ефименко и А.А. Борисову на Пинеге помимо почитаемых деревьев и крестов культовые камни, саамские антропоморфные идолы, финно-угорские часовни на столбах и др. объекты, наделенные сакральным статусом и мифологизированные народным сознанием, существование которых еще в начале XX в. на данной территории прослеживается в устных нарративах (от легенд и преданий до быличек), наверно, для нас навсегда останется загадкой.

В 1927 г. на Пинеге работала экспедиция Государственного института истории искусств под руководством этнолога К.К. Романова, зафиксировавшая в районном центре, Карпогорах, уникальный объект-обетный столб с хоромцами. В середине столба был вырезан четырехконечный крест с заговором на печь.

Интерес к маркерам народных религиозно-мифологических представлений вновь появляется в 1970-х годах, вновь со стороны искусствоведов и архитекторов. М.И. Мильчик в монографии «По берегам Пинеги и Мезени», рассмотрел обетные кресты как уникальные памятники малых архитектурных форм, деревянной резной скульптуры, и характеризуя их как объекты христианской идеологии новгородской колонизации, лишь вскользь отмечает их значительно древнее и богатое содержание, что древние языческие культы, получив новое толкование и новую окраску, перенесли их на эти атрибуты христианства. «"Боги ваши – древо есть", - говорили христиане язычникам. И не случайно еще по уставу киевского князя Владимира было запрещено молиться в "рощенье". В 1534 г. владыка новгородский архиепископ Макарий уведомлял великого князя о том, что в землях новгородских на огромных лесных пространствах существуют "скверные мольбища идольские... суть же их... лес, и каменье, и реки, и блата." Поэтому архиепископ снарядил в эти края инока для истребления "кумирской прелести"»[5].

По мере того как христианство завоевывало свои позиции, вырубались и выжигались капища, уничтожались идолы и священные деревья, а на их месте ставили часовню или крест. «...В 1825 году в двадцати верстах от г. Мезени, в роще, называемой "Козмин перелесок", где более чем в других местах находилось идолов при молебном пении собранные в разных местах идолы числом более ста, с их приношениями, преданы огню. На главном месте идолослужения водружен крест при пении "Да воскреснет Бог"[6]. Интереснейший пример слитности культа креста с культом дерева может служить крест на реке Пезе (притоке Мезени), был описан академиком А.И. Шренком. Крест был привязан к верхушке высокой ели около лесной избушки. Видимо, это была священная ель, и крестьяне мезенской глубинки совместили два культа.

Одна из первых, кто заговорил о специфике традиционной культуры Мезени-Пинеги, была С.И. Дмитриева. Ею был отмечен синтез культуры славянских колонизационных потоков с аборигенными традициями, на примере почитаемых обетных крестов показан большой пласт архаики. «Характерно расположение этих крестов или на высоком берегу реки [кимженский крест (по реке Мезени – С.Д.)], или в роще над рекой (родомский крест), или при слиянии двух рек [крест в Рези (в верх. Мезени – С.Д.)]. Именно в таких местах в древности располагались наиболее почитаемые часовни, которые в свою очередь сооружались на месте древних языческих храмов или языческих погребений»[7]. В целом, ее работа представила многоуровневую традицию почитания сакральных объектов, а именно: рудименты, восходящие к протославянской и общиндоевропейской древности (культу предков) и финно-угорской/саамской традициям, к элементам христианской идеологии. С.И. Дмитриева впервые предложила междисциплинарный подход к изучению религиозно-мифологических верований этнической общности (история, этнография, лингвистика). В начале 1990-х гг. Н.М. Терехин сделал «расшифровку» мифопоэтического пространства[8] северных широт. Рассматривая сакральные объекты: крест, часовню, храм, исследователь сосредоточил внимание на моделировании и организации ими мифологического пространства. В конце 1990-х исследователи применяли для объяснения феномена верований различные термины: «кризисная сеть»[9] (Т.Б. Щепанская), «культурный ландшафт» (А.А. Иванова, Л.В. Фадеева, В.Н. Калущков), «народное православие»[10] (А.А. Панченко). Тем не менее до сих пор остаются неисследованными некоторые вопросы.

Именно изучение данных по этому вопросу сквозь призму нескольких научных дисциплин может дать все богатство представлений и адекватное восприятие религиозно-мифологических верований.

Источниковедческой базой для ее анализа стал различный фольклорный материал: от легенд/преданий до разного рода мифологических рассказов. Современная традиция почитания сакральных объектов на Средней Пинеге выглядит весьма пестро и свидетельствует о сложном противоречивом религиозном сознании. Данные истории, археологии, этнографии, диалектологии в отношении маркеров сакрального пространства были задействованы нами в «уникальных случаях» (дабы подкрепить народный феномен научными сведениями), когда можно было говорить об архаичных рудиментах, влиянии некрокульта, иноэтнической традиции и др. важных составляющих современного «народного православия».

Такие древние культы, как почитание деревьев, рощ, камней, источников в чистом виде на Средней Пинеге не фиксируются. Однако существуют свидетельства трансформации и слитности пришедших им на смену традиций (на Покшеньге помнят оветную сосну у дороги в местечке "Солоники" под деревней Малое Кротово):

Сосна была у нас в Солониках. К ней носили оветы, приношения. Молились... Место нечистое было. Пугало там всё. Ну, песни слышны, свист... Мужики ехали и смеялись над пеленами. Дак их всех выпугало там. (Зап. в д. Малое Кротово от Земцовской Евдокии Ивановны, 1930 г.р., м.р. – д. Кеврола).

Данное свидетельство напоминает топонимическую легенду ненцев о происхождении названия святилища Козьмин перелесок, расположенного между г. Мезенью и д. Семжей: «Несколько русских рыбаков во главе с Козьмой ехали на озера через это жертвенное место. Они насмехались над идолами и украшениями, висящими на деревьях. Вдруг лошади отказались идти и так стояли до тех пор пока рыбаки не дали обета уважать жертвенное место. Козьма первым повесил на березу свой цветной кушак в знак примирения[11].

Когда же и почему сосна в Солониках обрела священный статус, никто сейчас в округе объяснить не может, но многие подчеркивают древность традиции, т.к. еще три поколения назад говорили, что к сосне ходили с оветами.

В начале XX века, по словам информантов, рядом с почитаемой сосной в Солониках появилась часовенка-амбарчик, на столбах. Такую дополнительную характеристику объекта местные жители выдали совершенно непринужденно:

У нас под горой здесь была... Часовня раньше называли. Стояли избушечки такие. У сосны-то и стояла в Солониках. Часовня как амбар. На столбах, крыша и досками обита. Как амбар на столбу. Иконы ишо были. (Зап. в д. Малое Кротово от Земцовского Афанасия Михайловича, 1929 г.р., м.р. – д. Малое Кротово).

Вот что в отношении подобных культовых построек сообщает А.А. Шенников: «На первой стадии развития храма во всей лесной зоне и севернее ее для хранения идолов был приспособлен небольшой амбар на высоких столбах, первоначально появившийся у полукочевых и кочевых охотников-рыболовов и оленеводов лесотундры и отчасти тундры. Такие амбары ставились у мест стоянок на охотничьих тропах и на путях

движения оленьих стад, в них хранились продовольствие и добыча. По этнографическим данным, эти амбары известны у саамов, манси, хантов, местами у ненцев»[12].

Одновременно с часовней появляется оветный крест: *Столб стоял, крышечка маленькая, лабас называется. Иконка была, роспятие. Много носили. Целые пестрядинники да повойники носили.* (Зап. в д. Малое Кротово от Земцовской Евдокии Ивановны, 1930 г.р., м.р. – д. Кеврола).

В данном случае диалектное лабас, вероятно, апеллирует к древним аборигенным финно-угорской и саамской традициям.

В настоящее время сосна в Солониках десакрализована, часовня и столб скрыты, в борке по соседству стоит их семиотических двойник – обетный крест.

В сравнении с почитанием деревьев культ камней на Средней Пинеге выражен не так явно. Только на Покшеньге в деревне Большое Кротово удалось записать несколько текстов. Осторожное отношение к камням жителей продиктовано не столько их огромными размерами сколько предполагаемой связью с чуждью или потусторонним (хтоническим) миром:

У нас на Шумиловской дороге здоровый камнице был. Мне мать всё говорила, что там клад спрятан. Слушать всё ходили к этому камню-то, ну, судьбу узнавать. Кому што послышится. (ср. лиминальная функция обетных крестов, росстани и т.д.);

Другой камень в Касках был. Мы туда за морошкой ходили. Дак-от большущий камень как стол. На нем ямка была. Ну что ли как... жил там кто-то, говорят. (Зап. в д. Большое Кротово от Козьминой Марии Александровны, 1936 г.р., м.р. – д. Малое Кротово).

Происхождение людей от камня или воплощение в него; камень как предок и какместилище души – устойчивые мифологемы в русском фольклоре... И все же основная функция общефольклорного образа камня, по мнению исследователя, – быть границей между мирами[13].

Сходной семантикой в народных верованиях на Покшеньге наделены ручьи, в топонимии которых прослеживается финно-угорское происхождение:

У нас вон у Тоиньги[1] всё скажут пугат. Там барак раньше был, запонь. А там к Лохнову[2] идешь - Хярга[3]. У Хярги тоже пугает. Тоже ручей, большой. Вот по ручьям-то больше и пугает. А Тоиньга так водит, водит... Ак вот дядька тут рядом в доме живет. Нет его, он умер. Он тоже заготовителем работал. Тоже у Тоиньги-то выпугало. Девки в красных сарафанах песни поют да... Он ночами ходил, а потом не стал. (Зап. в д. Большое Кротово от Галашевой Александры Федоровны, 1930 г.р., м.р. – д. Большое Кротово).

Стоит отметить, что прослеживаемая на Покшеньге традиция почитания священных деревьев, камней, ручьев и часовенок-амбарчиков отсутствует по Пинеге(искл. нижнее течение реки). Однако, Пинега представляет такую архаику, о которой Покшона не имела представление; деревня Шотова, околос Морозница, остатки антропоморфного идола:

Столбик был. На нем лицо было вырублено и плечики... они прямые, не овальные. Это, наверно, язычники, чудь-то там его и оставили. (Зап. в д. Шотова от Кордумова Валентина Николаевича, 1953 г.р., м.р. – д. Шотова).

Информант прекрасно запомнил объект в силу того, что в детстве он со сверстниками не раз бегал к «столбу» за деньгами, которые жители Шотовой приносили туда в знак благодарности и почитания (фото 1).

Фото 1. Остатки антропоморфного идола (слева от крестов), околос Морозница, д. Шотова, 2003 г. Фото Д.А. Семакова

Визуальное обследование объекта показало, что идол находится на высоком угоре близ Пинеги. Его топография (гора) совпадает с пространством, где традиционно в народных верованиях локализуются чудские городища, капища, сражения (ср. «Лысая гора»[14], «Поклонница»[15]).

О культурной принадлежности здесь можно говорить пока на гипотетическом уровне. Местное население связывает появление идола с чудской культурой:

Поселение скандинавов было перед церковью. Бабка Наталья рассказывала. Были типа амбаров... каменицы были. По черному топились. Камни потом оттуда брали на баню. Там не дома, сараи такие были в чашу, черный угол срублен в чашу. Тут скандинавы-то и были первые.

Мать ваша была из Шотовой ?

Да.

(Зап. в д. Шотова от Кордумова Валентина Николаевича, 1953 г.р., м.р. - д. Шотова).

Но под этнонимом «чудь» на Средней Пинеге могли проходить также ненцы/самоеды (suomasdtti) и коми. Предположим, что шотогорский идол - саамский след. Древесная порода, из которой сделан «болван» - лиственница - одно из священных деревьев саамов. Самоедов помнят на Пинеге:

Вспомнила, приезжали на олешках-то... рыбой торговать да бывает што обменять. (Зап. в д. Красное от Телициной Федосьи Васильевны, 1919 г.р., м.р. - д. Красное);

У нас за Земцово на Сылогу идти - ручей... самоедкин. Самоедкин ручей, значит. <А почему самоедкин ?> Ну, вот там эти, наверно, ненцы были што ли. (Зап. в д. Земцово от Земцовской Александры Антоновны, 1919 г.р., м.р. - д. Земцово);

В месте слияния р.р. Пинеги и Погшенги у д. Кобелёво до сих пор сохранился борок (заросший соснами холм), именуемый Самоедским. По преданиям, когда-то он принадлежал фамилии Щербаковых, семейно-родовое прозвище которых было Самоеды[16]. Многочисленны заимствования русскими у самоедов в области материальной культуры (одежде, орудиях промысла и пр.):

Самоеды. Они приезжали раньше... треску, навагу, мясо привозили на Никольскую ярмарку в Карпогоры. Пимами торговали, малицами, пыжниками... (Зап. в д. Кобелёво от Першина Андриана Марковича, 1911 г.р., м.р. - д. Курга).

Влияние самоедов могло отразиться и в духовной культуре. Шотогорский идол аналогичен объекту, который был описан путешественником Носиловым и иеромонахом Ионой в «Архангельских епархиальных ведомостях» за 1889 г.: «Путешественник Носилов сообщил иеромонаху Ионе, что на берегу Карского моря, вблизи становища самоедов есть идол, устроенный в 1881 году одним самоедом Новой Земли. Идол этот служил олицетворением бога, покровителя оленьей охоты. Идолу этому приносились, будто бы, даже и человеческие жертвы»[17].

«После долгих убеждений, самоеды согласились, наконец, показать мне своего идола, оказалось: на высоком каменном пьедестале стоял деревянный чурбан, имеющий подобие человеческой головы с изображением рта, носа и с пулями вместо глаз»[18].

Фото 2. Самоеды на Пинеге[19], 1925 г.

В настоящее время в отношении идола в околке Морозница деревни Шотова больше вопросов, чем обоснованных выводов. Пока мы можем только констатировать факт почитания уникального сакрального объекта. Хочется отметить, что коллектив авторов, разработавший «Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье» никак не прокомментировал обетную традицию к столь архаичному культовому месту.

Сейчас рядом с полуразрушенном идиолом стоят его субституты – два креста-распятия, очевидно, выполняющие апотропейную функцию по чисто языческому сценарию: чем больше – тем лучше. Голова идола утрачена.

А сейчас нет головы у столба. Что произошло ?

Да сгнила она, вроде, или кто оторвал, не помню.

Давно ?

Давно. Ну вот лет тридцать назад.

А когда вы в школу ходили, она была ?

Да.

(Зап. в д. Шотовой от Кордумова Валентина Николаевича, 1953 г.р., м.р. - д. Шотова).

В настоящее время почитаются только кресты (деньги) (фото 1).

Рис. 2. Антропоморфный идол 30 лет назад (по рисунку В.Н. Кордумова), околк Морозница, д. Шотова.

Фото Д.А. Семакова, 2003 г.

Фото 3. Голбец, д. Киглохта

По Пинеге развита традиция оветов к голбцам (намогильным по своей сути сооружениям), возведенным, как правило, на окраинах селений или полей (фото 3). Очевидно, подобные случаи восходят к древнему обычаю погребения родичей на границах родовых владений, охотничьих угодий и т.д. Считалось, что дух умершего, связанного и после смерти с местом погребения, становился стражем родного селения, спасителем от враждебных духов[20]. В русской избе печной столб является составной частью конструкции голбца (входа в подполье). Голбец в избе обладает теми же свойствами, что и на кладбище - служит местом перехода из одного мира в другой и из одного состояния в другое. В голбце (подполье) хоронят некрещеных младенцев «вход в подполье воспринимался как путь в пространство, повешенное предкам...»[21]. Голбец в избе - место пребывания домового, место семейного культа огня и духа предка. Функционально схожи с голбцами межевые кресты (фото 4, 5):

Вот по полям други совсем. А тут-то (в середине) типа креста тоже вырезано. А тут церковнославянскими буквами, покрашено так бледно-красным и бордовым таким. А тут крупны буквы таки церковнославянским: «Боже спаси урожай!». Наверно, чё ли, от бури, от гроз. Я больше-то помню на том конце там было. Раньше ставились они открыто. Кто-то ведь умел вырезать грамотно под титлами. (Зап. в д. Немнюге от Богдановой Марии Николаевны, 1935 г.р., м.р. - д. Немнюга).

Вырезанный текст на межевых крестах церковнославянским языком зачастую являлся не молитвой, а заговором на урожай или на печь (см. остатки межевого столба с нишей для заговора {утрачен} на фото 6).

Фото Д.А. Семакова

Фото 4, 5. Межевые кресты в околке Лохново д. Покшеньга, 2003 г.

Влияние некрокульта иногда принимает и другие формы выражения в народных верованиях. Так жители Коблево, одного из околков д. Покшеньги, ходили с оветами к могиле колдуньи. Так отразились древние представления о магической силе предка:

Фото Д.А. Семакова

Фото 6. Межевой столб, околк Кобелёво, д. Покшеньга, 2003 г.

У нас бабка была нечистая... Ну, всё говорили, колдунья она. Вот бабка умерла, дак к ней на могилу стали ходить. Ну, у кого како горе, несчастье... вот придут пелену повесят или ишо што принесут

А что но-сили ?

Вот, што у кого болит, то и несут. Болят ноги - чулки несут, руки - рукавицы, человека найти надо - дак вот рубаху опять весили.

А крестики на них вышивали ?

Ну.

(Зап. в д. Кобелёво от Першиной Капитолины Андреевны, 1946 г.р., м.р. - д. Курга).

Интересна топография и мифология немнюжского обетного креста, расположенного между деревнями Немнюга и Покшеньга на Красной Веретье (фото 7). В представлениях местных жителей Красная Веретья считается нечистым местом. В полночь слышны песни, свист, девки в красных сарафанах...[22]:

Едешь от креста-то, дак всё бежит за тобою кто-то (Зап. в д. Немнюге от Поповой Нины Васильевны, 1938 г.р.);

Красная Веретья - метище леших (Зап. в д. Шотовой от Кардумовой Ирины Васильевны, 1918 г.р.);

Фото Д.А. Семакова, 2003 г.

Фото 7. Обетный крест, д. Немнюга

В Красной Веретье видели девок в красных сарафанах. Пугало всё. Там кто пойдет в одиночестве, говорят, всё девки хохочут. (Зап. в д. Немнюге от Богдановой Марии Николаевны, 1930 г.р.).

Нечистый статус данного локуса можно объяснить через данные диалектологии. АОС выдает одно из значений слова «веретья» - курган[23]:

Сражение там было. <Кто воевал ?> Ну... чудь воевала с этими, с новгородцами. (Зап. в д. Лохново от Арсентьевой Александры Николаевны, 1926 г.р., м.р. - д. Покшеньга).

Кроме аграрного календаря маркеры сакрального пространства обслуживали и другие явления социальной сферы:

Был крест, там часовенка раньше была. А крест-то здоровый был. Я помню, стоит как будто идол. В Немнюгу идти, дак вот там. Из Лохново в Немнюгу. А Немнюга против Карпогор. Дак вот раньше, это осенью, там вся округа собиралась: покшона там, кеврола, киглохта... Ярмарка там, у немнюжского креста, часовенки. Вот обменивались... кто кому что. Кто собаку привёл - продаёт. Он не забил, но ему собака не надо. Кто-то перекупил. Кто-то лошадь купил, кто-то корову купил. Типа ярмарки у этого креста. (Зап. в д. Большое Кротово от Козьмина Николая Петровича, 1937 г.р., м.р. - д. Большое Кротово);

Луком торговали. Луком. Да. Урожай соберут, дак не в деревне торговали, а у креста. Километр от деревни.

А какое число ?

Число-то это около вздвиженья, двадцать седьмого числа. У нас-то так-то это, по религии-то воздвижение креста господня какого-то. А у нас здесь в эту пору медведи жёнятся - нельзя ходить в лес. В Немнюге там земли такие урожайные: репа, редька, лук... Дак всегда там лук покупали.

А потом что с этим луком делали ?

Его надо не есть, а обязательно на семена. Охотники собак приводили. Поп ходил их водичкой святой окроплял.

(Зап. в д. Большое Кротово от Козьминой Марии Александровны, 1936 г.р., м.р. - д. Малое Кротово).

Фото Д.А. Семакова

Фото 8. Обетный крест, д. Шотова

Данное обстоятельство также подчеркивает хтоническую семантику северно-русской ярмарки[24].

«С усилением христианства такие объекты языческого культа, как дерево, камень, гора, столб были совмещены с атрибутами христианства, например, крестом, либо вытеснены последним»[25]. Предания об обретении обетных святынь демонстрируют их появление из нижнего хтонического мира (напр., реки). Обетный крест в деревне Шотова по Пинеге принесло рекой и прибило к берегу. Дальше, по течению, крест не поплыл, а остановился напротив д. Шотова. Шотогорцы, приняв данное событие за знак, стали почитать крест:

Крест-то, рассказывали, рекой принесло. Ну, весной река разлилась. Это значит... Мужики вышли на берег - крест прибило большущий тут у нашего дома... а дальше никак не поплыл. Ну они тут его и поставили (Зап. в д. Шотова от Смоленской Елены Николаевны, 1926 г.р., м.р. - д. покшеньга).

Такова народная трактовка событий. Но интересен тот факт, что крест этот стоит на приусадебном участке. Тут нельзя не вспомнить С.И. Дмитриеву, которая связывает такие случаи с сохранившимся на Мезени и Пинеге до начала XX века обычаем хоронить родственников рядом с жилищем: напротив переднего угла, около порога, на огороде.

Рассмотренные в статье объекты, маркирующие сакральное пространство Средней Пинегы, представляют пеструю и неоднородную картину религиозно-мифологических верований одной сублокальной группы, требуют не только социокультурного анализа в рамках традиционной культуры, так называемого «народного православия», но и рассмотрения данного вопроса в диахронии.

Словарь диалектных слов

Лабас - настил из жердей и веток[26].

Росстань - перекресток[27].

Пыжник - женский головной убор, изготовленный из нежной кожи оленнего эмбриона.

Веретья - небольших размеров высокое сухое место, поросшее лесом в сосновом или еловом лесу, опушка леса[28].

Список сокращений

ФА ПГУ - фольклорный архив ПГУ.

АЕВ - Архангельские епархиальные ведомости.

СЭ - Советская этнография.

АОС - Архангельский областной словарь.

[1] Тоиньга - название ручья (примечание автора).

[2] Лохново - околос села Покшеньга (примечание автора).

[3] Хярга - название ручья (примечание автора).

[1] Н.М. Терехин. Сокральная география Русского Севера. Архангельск, 1993, С. 4.

[2] Калущков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А., Фадеева Л.В., Родионов Е.А. Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье / Семинар «Культурный ландшафт»: 1-й тематический выпуск докладов. - Москва: Издательство ФМБК, 1998. - с. 136 с ил. - С. 51.

[3] П.С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, 1977 / «Пинежский уезд», С. 32-33.

[4] А.А. Борисов. У самоедов: От Пинеги до Карского моря. СПб., 1907.

[5] М.И. Мильчик. По берегам Пинеги и Мезени. Л. «Искусство», 1971, С. 47.

[6] «Таинственное из жизни самоедов» // АЕВ. - 1910. - №4. - С. 141.

[7] С.И. Дмитриева. Мезенские кресты // Памятники культуры. Новые открытия. Археология. Ежегодник. Л., Наука, 1986, С. 461-466.

[8] Н.М. Терехин. Указ. соч.

[9] Т.Б. Щепанская. Кризисная сеть (традиции духовного пространства) // Русский Север: к проблеме локальных групп. СПб, 1995.

[10] А.А. Панченко. Народное православие. СПб, 1997.

[11] А.Д. Евсюгин. Ненцы Архангельских тундр. Архангельск, 1979, С. 24.

[12] А.А. Шенников. О языческих храмах у восточных славян // Язычество восточных славян. Л., 1990, С. 45.

[13] Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. Том второй: Былички, бывальщины, легенды, поверья о людях, обладающих магическими способностями. - Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2000. - 410 с. - С. 74.

[14] Там же, С. 59.

[15] Л.В. Егорова. Сурские бывальщины. - Архангельск: ГУП «Сев.-Зап. кн. изд-во», 2000 - 512 с. - С. 279.

[16] Калущков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А., Фадеева Л.В., Родионов Е.А. Указ. соч. С. 43.

[17] «Еще о Новой Земле и пребывании там иеромонаха Ионы с 3 сентября 1887 года по 28 июля 1888 года» // АЕВ. - 1889. - №13. - С. 249.

[18] Там же, С. 250.

[19] ФА ПГУ.

[20] Н.Фрейман. СЭ, 1936, №3, с. 86.

[21] К.К. Логинов. Интерьер крестьянской избы в обрядности и верованиях заонежан // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992.

[22] Калуцков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А., Фадеева Л.В., Родионов Е.А. Указ. соч. С. 96.

[23] Архангельский областной словарь. Вып. 3 (В - Весновой). Под. ред. О.Г. Гецовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983, 160 с.

[24] Н.М. Теребихин. Указ. соч.

[25] Криничная Н.А. Указ. соч., С. 77.

[26] Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 5 вып. Вып. 3 / Отв. ред. О.А. Черепанова; Гл. ред. А.С. Герд. - СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 1996. - 416 с.

[27] Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 5 вып. Вып. 5 / Отв. ред. О.А. Черепанова; Гл. ред. А.С. Герд. - СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 1996.

[28] Архангельский областной словарь. Вып. 3 (В - Весновой). Под. ред. О.Г. Гецовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983, 160 с.